

6. Terborn G. Multikulturelne obshchestva [Multicultural society]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 2001, vol. 1, no. 1, pp. 50–67.
7. Castles S., Cope B., Kalantzis M., Morrissey M. *Mistaken identity. Multiculturalism and the demise of nationalism in Australia*, Sydney, 1988, pp. 8, 12.
8. Government of Canada. – Available at: <http://www.gc.ca/home.html>.
9. Mackay H. *A National Identity? Wait and See. Where to Now? Australia's Identity in the Nineties*, Sydney, Federation Press Publ., 1993, pp. 12–25.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)

Кудряшова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: Ylyub@mail.ru

Статья посвящена изучению особенностей формирования и функционирования политических систем в Центральной Азии на рубеже XX–XXI вв., и их дальнейшей трансформации (на примере Республики Казахстан). Огромную важность представляет характеристика внешних и внутренних факторов, повлиявших на формирование политических режимов центральноазиатских республик, разделяемых на открытые и закрытые модели. Несомненный интерес представляет тот факт, что политические системы, сложившиеся в данном регионе после 1991 г., представляют собой так называемую интегрированную модель, сочетающую в себе как черты восточного традиционализма, так и западного демократизма. Данная проблема имеет большое значение для развернувшейся особенно активно в мировой науке дискуссии о взаимоотношениях демократии и авторитаризма в современном мире, о возможностях и потенциальных формах трансформации авторитарных политических режимов.

Ключевые слова: авторитаризм, Республика Казахстан, восточный традиционализм, открытые и закрытые типы политических режимов, «демократический царизм»

PECULIARITIES OF FORMATION OF THE POLITICAL SYSTEM IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN (LATE XX – EARLY XXI CENTURIES)

Kudryashova Yuliya A., Ph.D. (History), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414041, Russian Federation
E-mail: Ylyub@mail.ru

The article is devoted to the peculiar modes of formation and functioning of the Central Asian political systems in the late XX – early XXI centuries, and their further transformation (the Kazakhstan Republic is taken as an example). The author characterizes the inner and outer factors which shaped the formation of the Central Asian political regimes and draws a borderline between the open and closed models. The political systems formed in this region after 1991 are a classical example of the so called intergrated model combining some features of the oriental traditionalism and the western democracy. This problem is of great significance for the academic discussion about the relations of autocratism and democracy in the contemporary world, and about the potential of the authoritarian regimes to change.

Keywords: autocratism, Kazakhstan Republic, Eastern traditionalism, open and closed types of political regimes, «democratic tsarism»

В начале 1990-х гг. прошлого века в результате распада СССР, бывшие советские республики оказались перед необходимостью решения важнейших задач: перехода к рыночной экономике, демократизации общества, поиска новой идеологии,

новых внешнеполитических приоритетов. На данный процесс оказали влияние как традиционные факторы, историческая специфика региона, так и советское наследие, которое сохранила политическая элита, из интернационалистов в кратчайшие сроки превратившихся в поборников и защитников «национальной самобытности» и «исключительности» своих народов.

Огромную важность представляет здесь оценка сущности и перспектив развития политических режимов центральноазиатских республик, разделяемых на открытые и закрытые модели. Предпосылки их формирования складывались на протяжении длительного времени. А после распада Советского Союза описанная выше тенденция к дифференциации и авторитаризму стала преобладать. Помимо исторической традиции, имелись и имеются еще и географические предпосылки укрепления авторитарной тенденции в политическом развитии региона: острые ресурсные дисбалансы. Правда, и в первом, и особенно во втором случаях некорректно было бы говорить о чистом влиянии географического фактора: оно стало возможным благодаря историческим изменениям, растянувшимся на десятилетия и столетия [14, с. 16].

Центральная Азия входила в число тех областей Востока, где впервые произошел переход от присваивающего к производящему хозяйству. Коллективная память первых земледельцев и скотоводов провоцировала в них смутное понимание первотворимости культуры. Они должны были испытывать ощущение своей противопоставленности природе и прежнему миру охотников и собирателей. Это побуждало их делать сильный акцент на обосновании и разработке культурозащитных представлений и ритуалов и их прочном закреплении. Эта установка на неизменность жизни, защищавшая новообретенную культуру, заняла главенствующее положение.

Когда оформилась хозяйственная специализация различных районов Центральной Азии, появились новые доводы в пользу ценностей стабильности. По региону прошла граница между мирами земледельцев и кочевников. В мире земледельцев культурная традиция стала письменной и, благодаря этому, авторитетной для всего региона. Она усваивалась и кочевниками; однако плата земледельцев за приобщение к ней северных соседей была очень высока [8, с. 26]. В дальнейшем, системный характер обществу придавал зороастризм. То был стабильный консерватизм. Благодаря ему, при оседании очередной кочевой волны, традиции и поведение, даже самые элементарные и заурядные, не уничтожались, а усваивались кочевниками и сохранялись надолго. Но тот же зороастризм еще больше заглушил изначально слабую склонность этой культуры к тому, чтобы создавать предпосылки для решительных изменений в будущем. [20, с. 12].

Что же касается ислама, то он, во-первых, способствовал закреплению отношения к власти как к божественному установлению, во-вторых, фактически регламентировал повседневную жизнь, введя в нее универсальные политико-юридические понятия. В целом же получалось так, что и высокая идеология, и бытовой жизненный опыт многих поколений приучали людей отдавать безусловный приоритет социальной стабильности, даже неподвижности общества, высоко возносили ценности труда, мира, коллективизма, послушания, семьи, многодетности, уважения к старшим. А также сообщая внедряли в каждое индивидуальное сознание представление об асимметричной зависимости как норме отношений между властью и подданными. Для правителя ценность простолодыня была выражена древней формулой: «работник – отец – подданный – верующий». Собственные ценности простолодыня выстраивались по другой, зеркальной первой, формуле: «вера – покорность – плодовитость – труд». Вряд ли все это могло помочь становлению независимой личности и свободному политическому выбору; зато благоприятствовало укреплению групповой солидарности, конформистского отношению к власти и к статусной иерархии в обществе [12, с. 106].

В результате создания Советского Союза Центральная Азия лишилась экономической самодостаточности и стала сырьевым придатком внерегиональных промышленных центров, в результате ее привычный хозяйственный уклад был сильно изменен.

Что касается власти, то теоретически ее представляли республиканские отделения Коммунистической партии Советского Союза, которые порой заменяли государственные структуры управления, то есть администрация на местах носила номинальный характер, послушно выполняя все задания райкома. Сложился своеобразный симбиоз партийно-государственной номенклатуры, которая не ушла с политической арены после распада СССР и появления новых независимых стран, а наоборот, прочно заняла свое место, поменяв внешний антураж с коммунизма на демократию. Эта номенклатура как не выполняла законы и положения прежней Советской Конституции, так и не стремится соблюдать Основной закон уже независимых республик (достаточно вспомнить о введении цензуры и невозможности проявления свободы мысли и слова, создании общественных движений и партий, независимых судебных институтов и пр.).

Прежде всего, новая номенклатура отменила коммунистические принципы и стала осваивать непартийные структуры власти – это хокимияты, министерства и ведомства, которые, в свою очередь, получили неограниченные возможности в распределении материальных и людских ресурсов стран Центральной Азии. Это стало основным моментом государственного строительства – элита трансформировала всю социально-политическую и экономическую систему, но в то же время приспособила ее к своим требованиям [18]. В области идеологии и политической культуры итоги российско-советского периода были, пожалуй, наиболее противоречивы. С одной стороны, Центральная Азия стала регионом практически сплошной функциональной грамотности, что создало благоприятные предпосылки для расширения политического кругозора населения. С другой, из-за строжайшей политической цензуры, ограничивавшей объем и содержание доступной информации, эти предпосылки реализовывались далеко не в полной мере (Скиперских, 2007).

Таким образом, можно сказать, что к распаду Советского Союза республики Центральной Азии подошли в несколько разбитом положении, имея кризисы во многих сферах общественной жизни, и особенно в политической. Возможно, поэтому дальнейшее политическое развитие этих республик пошло не по европейскому демократическому пути развития, а по своеобразному консервативно-авторитарному, отвечающему традиционному восточному самосознанию народа и власти над ним. Но требования времени естественно наложили свой отпечаток и некоторые демократические зачатки прижились и начали свое развитие. Следовательно, политические системы, сложившиеся в данном регионе после 1991 г., представляют собой так называемую интегрированную модель, сочетающую в себе как черты восточного традиционализма, так и западного демократизма.

Данная проблема имеет также большое значение для развернувшейся особенно активно в мировой политической науке дискуссии о взаимоотношениях демократии и авторитаризма в современном мире, о возможностях и потенциальных формах трансформации авторитарных политических режимов. Диапазон распространения авторитарных режимов довольно широк, и число их в настоящее время весьма велико. Переплетение разнообразных факторов, многообразие условий жизни, своеобразные политические культуры различных стран порождают многочисленные вариативные формы авторитарных режимов. Для каждого из них характерны собственная расстановка социально-политических сил на политической арене, методы осуществления властных отношений, институциональные возможности участия граждан в политической жизни и т.п.

Современная политическая система Казахстана относится к так называемому «открытому» типу. Она ориентирована преимущественно на преобразование, модернизацию внутренней среды (экономические и политические реформы), что позволяет говорить о модернизационном характере данной модели. В то же время республика готова к принятию демократии, хоть и показной. Ее авторитарный режим несколько мягче, чем, например, в Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане; более подвержен «европейской» модели развития, нежели «азиатской».

Доминирование внешних факторов трансформации политической системы Казахстана чревато нестабильностью и в перспективе создает угрозу суверенитету, независимости, экономической состоятельности и территориальной целостности республики. Соседи строят отношения с ней, исходя из собственных региональных интересов, а Казахстан стремится привлечь их потенциал для решения сиюминутных внутренних проблем, отказываясь, таким образом, от долгосрочной программы и самостоятельных действий по реальной модернизации общества.

Политический режим Казахстана можно назвать «демократический царизм», благодаря особенностям политики Н. Назарбаева, помогающей осознать механизмы прихода и удержания власти, и характеру взаимоотношений «этнарха» с парламентом, оппозицией и СМИ [1, с. 77]. Особое внимание можно уделить ближайшему родственному окружению Н. Назарбаева, воспринимаемому как «президентский жуз», который выступает не только как важнейшая опора режима, но и в качестве потенциального источника следующего казахстанского «баши». Действующий президент, несомненно, пользуется большим авторитетом у своих сограждан. Так, на выборах в 2005 г. он набрал 91,15 % голосов избирателей, а в 2011 г. – 95,5 % [13]. И объясняется столь высокий рейтинг действующего главы государства, по мнению многих экспертов, именно попытками Н. Назарбаева сохранить экономическую и политическую стабильность, отсутствием реальной конкурентности, слабостью оппозиции и недоверием населения переменам во власти. Следовательно, авторитаризм в Казахстане имеет вполне жизнеспособные перспективы.

Как уже было сказано, «открытая» авторитарная модель Казахстана – это модель с некоторыми элементами демократии. Конституция государства может быть признана если и небезусловно инструктирующей, то, во всяком случае, приближающейся к этой разновидности конституционных текстов.

Действующая в республике конституция является вторым по счету основным нормативно-правовым документом постсоветского периода. Первая конституция была принята в январе 1993 г. Однако уже в августе 1995 г., вследствие конфликта между президентом и законодательной властью, она была заменена новой. Согласно действующей конституции Казахстан – демократическое правовое унитарное государство, имеющее три независимые ветви власти: исполнительную, законодательную и судебную. Исполнительную власть возглавляет президент. Законодательную власть осуществляет двухпалатный парламент (Сенат и Мажилис), судебную – Конституционный суд и система местных судов (все судьи назначаются президентом на десятилетний срок). В Конституции Казахстана доминирование президента над законодательной и контроль над судебной властью очевидны [7, ст. 44–47, 50, 53–55, 58, 71, 73, 82].

Так, формирование Верховного Суда страны вроде бы оказывается прерогативой Сената - но поскольку сам Сенат образуется таким образом, что просто не может быть нелояльным президенту, Верховный Суд, а с ним и вся судебная система находятся в руках президента. Кроме того, конституция Казахстана написана под конкретного президента и конкретную политическую ситуацию, а значит, обладает сильнейшим изъяном – конъюнктурна. Например, в статье 91 говорится о том, что «проект изменений и дополнений в Конституцию не выносится на республиканский референдум, если Президент решит передать его на рассмотрение Парламента» или первый состав Конституционного Совета Республики Казахстан формируется следующим образом: Президент Республики, Председатель Сената Парламента и Председатель Мажилиса Парламента назначают по одному из членов Конституционного Совета сроком на три года, а по одному из членов Конституционного Совета – сроком на шесть лет, Председатель Конституционного Совета назначается Президентом Республики сроком на шесть лет (97) [7].

Таким образом, в стране установилась президентская республика со значительными и постоянно расширяющимися полномочиями главы государства. Режим правления президента в целом подпадает под категорию «просвещенный» бонапартизм.

Президент республики предпочитает находить эффективные способы нейтрализации сохраняющихся элементов демократии, а не грубо их попирает или вовсе ликвидирует. Сами эти способы, как это тоже очень характерно для политической практики бонапартизма, замаскированы под свободное волеизъявление – то всего народа (референдумы), то его выборных представителей (инициатива казахстанского парламента с переносом президентских выборов).

Другая отличительная черта данного режима – постоянное балансирование между разными политическими и социальными силами – в Казахстане приобрела значительную специфику. Она заключается в том, что приходится учитывать не просто многонациональный состав населения, но и не преодоленный культурный дуализм общества. Это, с одной стороны, не позволяет отказаться от остаточной демократии, с другой – как раз очень помогает добиваться своих политических целей с помощью ссылок на необходимость поддерживать межнациональный мир [17, с. 37].

Наконец, яркой особенностью Казахстана, видимо, следует считать то обстоятельство, что здесь президент уже в основном прошел этап социального балансирования. Сейчас он опирается на им же возвращенную «искусственную касту, для которой сохранение его режима – вопрос о хлебе насущном». Эта каста – симбиоз капитализирующихся чиновников и бюрократизирующихся предпринимателей. Они целиком зависят от сильной президентской власти и потому полностью ей послушны.

Отличительной чертой «открытых» политических систем является, прежде всего то, что первоначальная относительная самостоятельность законодательной и судебной власти, впоследствии была ими утрачена, но она все таки существовала. Далее, это хотя и низкий по влиянию на политическое развитие, но все же наивысший в регионе уровень развития партий. Допускается деятельность оппозиции и правозащитных организаций, прямые преследования противников режима проводятся «по случаю» и сравнительно мягкими методами. Имеется полусвободная пресса в столицах, в последнее время подвергающаяся, однако, все большему «урезанию языка». Критика режима (но не личности президента) возможна, но либо игнорируется, либо купуруется. Предпринимаются настойчивые – но пока не очень успешные – попытки создания объединительных идеологий с упором на верховенство идеи национальной государственности [11, с. 118].

Для Казахстана характерна также наибольшая в Центральной Азии и достаточно высокая по международным меркам открытость внешнему миру. Государство ведет активную внешнюю политику с преобладающей направленностью в сторону США, Западной Европы, Китая, стран АТР, Россией. В отношениях с соседями по региону попытки наладить сотрудничество сочетаются с соперничеством за ресурсы, а в случае Казахстана – и за лидерство в данном регионе [5, с. 41].

В экономической области выбран курс на интеграцию в мировую экономику, на создание льготного режима иностранному капиталу, на первоочередное развитие частного предпринимательства и экспортных сырьевых отраслей промышленности. В Казахстане национальный капитал формируется почти исключительно «сверху», на кланово-бюрократической основе. Впрочем, заявленная экономическая политика и реальные тенденции изменений сильно расходятся между собой. Одна из главных причина этого в том, что исполнительная власть эффективно решает исключительно охранительную задачу. Даже карательные органы слабы.

Таким образом, независимость досталась центральноазиатским республикам без активных усилий с их стороны. За исключением Таджикистана, здесь не сформировалась новая, конкурентная старой, элита «борцов за независимость», как нигде в бывшем СССР, оказалась значительной преемственность власти и управления. Однако само по себе такое, в общем-то исторически случайное, обстоятельство не сыграло бы существенной роли в плавном перерождении контролируемой Москвой авторитарной власти первых секретарей в никем не контролируемую авторитарную власть первых президентов, если бы не попало в резонанс с древней обрамляющей установ-

кой на стабильность. Равным образом, низкий уровень активности всего населения в рамках современных политических структур не является лишь следствием естественной деполитизации людей, разочаровавшихся в обещаниях национального начальства и измотанных тяжелой борьбой за физическое выживание [10, с. 19].

Не меньшее значение следует отвести таким характерным чертам политической жизни, как повышенная значимость институтов социальных гарантий и клиентельских отношений в регуляции политического поведения и преобладание вертикальной этнополитической мобилизации над горизонтально распространяющимися связями межэтнической социальной солидарности. То и другое держится на двойной вековой памяти. И о том, что главной нормой, открывающей доступ, является базовый элемент традиционной политической культуры региона - послушание власти.

Вместе с тем нельзя утверждать, что нынешнее политическое развитие региона и впредь будет определяться его географией и историей. Начнем с того, что пространство не только угнетает, но и побуждает к поиску выхода. Чтобы выжить, государства Центральной Азии должны быть открыты внешнему миру. Эта истина хорошо усвоена их руководителями. Открытость государств региона жестко обусловлена их зависимостью от экспорта сырья и импорта капиталов и технологий. Но чем больше она будет, тем менее вероятна консервация авторитаризма на долгие годы.

Промежуточные результаты текущего политического творчества народов региона могут в дальнейшем трансформировать одни его элементы, нейтрализовать или погрузить в долговременное историческое небытие другие. Иначе говоря, «предпосланность» авторитарной модели не гарантирует ей эффективность, необратимость и долговечность. Она может быть оставлена. Но для того, чтобы это случилось, необходимо постепенный отход населения от привычки к государственной опеке, нарастающее давление общества на власть и в конце концов - прямая оппозиция ей в тех случаях, когда та вступает в конфликт с крупными социальными интересами [4, с. 82].

Пока в Центральной Азии это ключевое условие разрыва с авторитарной моделью выражено недостаточно. Даже «европейское» население, воспитанное в духе советского государственного патернализма, демонстрирует крайне низкий уровень политической активности. Его постоянный отток тем более усиливает черты местных обществ, благоприятствующие трансформации "мягкого" авторитаризма в жесткую власть ради власти.

Вместе все это ставит под сомнение легитимность авторитарной власти. Опыт авторитарных режимов развивающихся стран Востока показывает, что переход от жесткого авторитаризма к мягкому, от деспотии к направляемой демократии, от мягкого авторитаризма и направляемой демократии к режимам, способным, при всех их несовершенствах и родимых пятнах, двигаться по пути подлинной демократизации, но при этом может осуществляться по-разному и совершенно непредсказуемо.

Перед государствами Центральной Азии, в том числе Казахстаном, – при всех существующих различиях, на данный момент стоит одна проблема, выраженная в форме альтернативы: сохранение прежней общественно-политической системы или переход к новой. Персонифицированный характер власти не способствует серьезным изменениям в этой сфере. Логичным становится формирование политического пространства, в котором власть и оппозиция представлены правящей номенклатурой, а реальная гражданская оппозиция и общество оказываются «вне политического процесса». В этих условиях для ряда стран Центральной Азии симптоматичным является расширение внесистемных сил, оппонированных власти. В первую очередь, помимо политически ориентированного ислама набирают силу этно-национальные движения, пока еще не структурированные, но имеющие серьезный потенциал [19].

В настоящий момент возможны различные сценарии трансформации «открытой» политической системы Казахстана в зависимости от степени влияния внешних факторов той или иной ориентации (ретрадиционализация, исламизация, потеря экономической независимости и, соответственно, суверенитета, укрепление государственности и т.д.). Сохранение политической системы республики и её демократиче-

ский транзит в условиях глобализации возможны только при интеграции с внешними политическими силами, заинтересованными в сохранении Казахстана как самостоятельного суверенного государства.

Столь однозначно негативное восприятие происходящего в Центральной Азии как отдельными наблюдателями в самом регионе, так, и, прежде всего, комментаторами из-за его пределов, определяется несколькими факторами. Главным из них являются опасения некоего масштабного этно-конфессионального конфликта, способного расширяться на сопредельные регионы. Однако мало кто обращает внимание на то, что различия в ситуации государств Центральной Азии, а также характер взаимоотношений проживающих здесь народов сами по себе являются элементом сдерживания подобного развития событий. Активное вовлечение внерегиональных сил, имеющих собственные интересы в Центральной Азии и преследующие цель контроля над ее ресурсами представляют в контексте данной проблемы гораздо большую опасность. Кризисный характер общественно-политических систем, сформировавшихся в регионе, также таит в себе угрозу, так как способствует обострению социальных проблем [6, с. 67]. Есть основания предполагать, что предпринимаемые сейчас в ряде государств Центральной Азии властями меры как политического, так и общественного характера, рассчитаны на создание в обществе атмосферы ожидания перемен в условиях, когда власти уже вынуждены считаться с растущим внутренним кризисом. Однако в силу своей природы общественно-политические режимы региона не могут реформироваться, так как перестанут быть жизнеспособными. Именно поэтому все предположения о кардинальных реформах не могут быть реализованы как по форме, так и по содержанию.

Список литературы

1. Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор : учебное пособие / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. – Москва : Аспект Пресс, 2002. – 546 с.
2. Закон о выборах в Республике Казахстан // Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан. – Режим доступа: http://election.kz/portal/page?_pageid=73,48269&_dad=portal&_schema=PORTAL, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Изменения в общественной жизни Казахстана // TestENT. – Режим доступа: <http://www.testent.ru/index/0-91>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Казанцев А. Большая игра в Центральной Азии: вчера, сегодня, завтра / А. Казанцев. – Москва : Наследие Евразии, 2008. – 248 с.
5. Касенов А. Итоги внешнеполитической деятельности РК и ее приоритетные задачи / А. Касенов. – Астана : КИСИ, 2005. – 239 с.
6. Касенов У. Т. Безопасность Центральной Азии / У. Т. Касенов. – Алматы : Университет «Кайнар», 1998. – 280 с.
7. Конституция Республики Казахстан 30 августа 1995 г. // Центр социально-психологической и правовой помощи. – Режим доступа: <http://csrk.kz/rules/27-constitution>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Куртов А. А. Демократия выборов в Казахстане: авторитарная Постсоветская Центральная Азия. Потери и приобретения / А. А. Куртов. – Москва, 1998. – 175 с.
9. Масанов Н. Национально-государственное строительство в Казахстане: анализ и прогноз / Н. Масанов // Вестник Евразии. – 1995. – № 1. – С. 26–28.
10. Матвеева А. Центральная Азия: стратегический подход к построению мира / А. Матвеева. – Лондон : International Alert, 2006. – 96 с.
11. Нестерова И. В. Клановость как традиционный неформальный институт рекрутирования политической элиты в республиках Центральной Азии / И. В. Нестерова // Политические проблемы современного общества. – 2009. – Выпуск 11. – С. 117–124.
12. Нестерова И. В. Трансформация политических режимов стран Центральной Азии: исламский фактор / И. В. Нестерова // Политические проблемы современного общества. – 2008. – Выпуск 9. – С. 105–113.
13. О предварительных итогах внеочередных выборов Президента Республики Казахстан, состоявшихся 3 апреля 2011 года // Кочевник. – Режим доступа: <http://www.nomad.su/?a=3-201104050038>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

14. Панарин С. А. Политическое развитие государств Центральной Азии в свете географии и истории региона / С. А. Панарин // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 15–18.
15. Республика Казахстан. О выборах в Республике Казахстан от 28.09.1995 : конституционный закон № 2464. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=1004029, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
16. Сатпаев Д. Характеристика политической системы Казахстана, с точки зрения ее легитимности / Д. Сатпаев // ZONA : интернет-газета. – Режим доступа: <http://www.zonakz.net/articles/5401>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
17. Свечников А. Центральная Азия. Геополитика и экономика региона / А. Свечников. – Москва : Институт стратегических оценок и анализа, 2010. – 254 с.
18. Среднеазиатская элита это партийная советская номенклатура // Разумные решения : аналитический центр. – Режим доступа: <http://analitika.org/ca/politics/406-20070924043639753.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
19. Улуныян А. Центральная Азия-реформ не будет / А. Улуныян // ЦентрАзия. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1175845500>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
20. Шукуров Ш. Центральная Азия / Ш. Шукуров, Р. Шукуров. – Москва : Панорама, 1996. – 160 с.

References

1. Almond G., Pauell Dzh., Strom K., Dalton R. *Sravnitel'naya politologiya segodnya: mirovoy obzor* [Comparative Politics Today: A World Survey], Moscow, Aspekt Press Publ., 2002. 546 p.
2. Zakon o vyborah v Respublike Kazakhstan [Law on Elections in the Republic of Kazakhstan]. *Tsentrlnaya izbiratel'naya komissiya Respubliki Kazakhstan* [The Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan]. Available at: http://election.kz/portal/page?_pageid=73,48269&_dad=portal&_schema=PORTAL.
3. *Izmeneniya v obshchestvennoy zhizni Kazakhstana* [Changes in the social life of Kazakhstan]. *TestENT*. Available at: <http://www.testent.ru/index/0-91>.
4. Kazantsev A. *Bolshaya igra v Tsentralnoy Azii: vchera, segodnya, zavtra* [Great Game in Central Asia: yesterday, today and tomorrow], Moscow, Nasledie Yevrazii Publ., 2008. 248 p.
5. Kasenov A. *Itogi vneshnepoliticheskoy deyatel'nosti RK i ee prioritetnye zadachi* [Results of foreign policy of the Republic of Kazakhstan and its priorities], Astana, KISI Publ., 2005. 239 p.
6. Kasenov U. T. *Bezopasnost Tsentralnoy Azii* [Security in Central Asia], Almaty, Universitet «Kayanar» Publ., 1998. 280 p.
7. Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan 30 avgusta 1995 g. [The Constitution of the Republic of Kazakhstan August 30, 1995]. *Tsentr sotsialno-psikhologicheskoy i pravovoy pomoshchi* [Centre for Socio-psychological and legal assistance]. Available at: <http://csrk.kz/rules/27-constitution>.
8. Kurtov A. A. *Demokratiya vyborov v Kazakhstane: avtoritarnaya Postsovet'skaya Tsentralnaya Aziya. Poteri i priobreteniya* [Democracy elections in Kazakhstan: the authoritarian post-Soviet Central Asia. Losses and gains], Moscow, 1998. 175 p.
9. Masanov N. *Natsionalno-gosudarstvennoe stroitel'stvo v Kazakhstane: analiz i prognoz* [Nation-building in Kazakhstan: analysis and forecast]. *Vestnik Yevrazii* [Bulletin of Eurasia], 1995, no. 1, pp. 26–28.
10. Matveeva A. *Tsentrlnaya Aziya: strategicheskiy podkhod k postroeniyu mira* [Central Asia: a strategic approach to peace-building], London, International Alert Publ., 2006. 96 p.
11. Nesterova I. V. *Klanovost kak traditsionny neformal'nyy institut rekrutirovaniya politicheskoy elity v respublikakh Tsentralnoy Azii* [Clannishness the traditional informal institution recruitment of the political elite in the republics of Central Asia]. *Politicheskie problemy sovremennogo obshchestva* [Political problems of modern society], 2009, issue 11, pp. 117–124.
12. Nesterova I. V. *Transformatsiya politicheskikh rezhimov stran Tsentralnoy Azii: islamskiy faktor* [Transformation of political regimes in Central Asia: the Islamic factor]. *Politicheskie problemy sovremennogo obshchestva* [Political problems of modern society], 2008, issue 9, pp. 105–113.
13. *O predvaritel'nykh itogakh vnecherednykh vyborov Prezidenta Respubliki Kazakhstan, sostoyavshikhsya 3 aprelya 2011 goda* [Preliminary results of early elections of the President of the Republic of Kazakhstan, on April 3, 2011]. *Kochevnik* [Nomad]. Available at: <http://www.nomad.su/?a=3-201104050038>.
14. Panarin S. A. *Politicheskoe razvitiye gosudarstv Tsentralnoy Azii v svete geografii i istorii regiona* [Political development of Central Asian states in the light of the geography and history of the region]. *Vestnik Yevrazii* [Bulletin of Eurasia], 2000, no. 1, pp. 15–18.

15. Republic of Kazakhstan. On elections in the Republic of Kazakhstan dated 28.09.1995: Constitutional Law no. 2464. Available at: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=1004029.

16. Satpaev D. Kharakteristika politicheskoy sistemy Kazakhstana, s tochki zreniya ee legitimnosti [Characteristics of the political system of Kazakhstan, in terms of its legitimacy]. *ZONA : internet-gazeta* [ZONA. Online newspaper]. Available at: <http://www.zonakz.net/articles/5401>.

17. Svechnikov A. *Tsentrlnaya Aziya. Geopolitika i ekonomika regiona* [Central Asia. Geopolitics and economics of the region], Moscow, Institute of Strategic Studies and Analysis Publ. House, 2010. 254 p.

18. Sredneaziatskaya elita eto partiynaya sovetzkaya nomenklatura [The Central Asian elites is party Soviet nomenklatura]. *Razumnye resheniya : analiticheskiy tsentr* [Intelligent Solutions. Analytical Center]. Available at: <http://analitika.org/ca/politics/406-20070924043639753.html>.

19. Ulunyan A. Tsentrlnaya Aziya-reform ne budet [Central Asia, reforms will not]. *TsentrAziya*. Available at: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1175845500>.

20. Shukurov Sh., Shukurov R. *Tsentrlnaya Aziya* [Central Asia], Moscow, Panorama Publ., 1996. 160 p.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕНСИВНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Нарыкова Светлана Петровна, кандидат юридических наук, доцент, докторант

Краснодарский университет МВД России
350064, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Озерная, 35
E-mail: lakehouse_35@mail.ru

В статье рассматриваются особенности построения концептуальной модели рассмотрения проблемы интенсификации политической власти в традиционных и демократических обществах. Подчеркивается, что динамика власти напрямую связана с динамикой общественных отношений. Анализируются внешние и внутренние условия, определяющие изменение вектора развития общественных отношений. Рассматривается два типа интенсификации политической власти.

Ключевые слова: методология, власть, государство, парадигма, политическая власть, интенсификация, социальный институт

CONCEPTUALIZATION OF INTENSITY OF POLITICAL POWER PROBLEMS

Narykova Svetlana P., Ph.D. (Legal Science), Associate Professor, Doctoral student

Krasnodar University of Russian Ministry of Internal Affairs
35 Ozernaya st., Krasnodar, 350064, Russian Federation
E-mail: lakehouse_35@mail.ru

The article some features of conceptual model of examination political power in the traditional and democratic society intensification problems construction is considered. Author accentuates that power dynamics directly related with dynamics of social relations. The article analyses outward and internal conditions, which determine change of social relations vector, and examines two kinds of political power intensification. On basis of outward and internal terms of state functioning analysis role of the political authority as institute effecting social processes in compliance with changing of it's terms is considered. Investigation of the action performed by the political power subjects' character, the content of the political-administrative actions, the general direction of political evangel, the form of implementation allowed to determine an important variant of political power dynamics – it's qualitative change, related with society evolution and alteration of cultural, economic and foreign politics situation.

Keywords: methodology, power, the State, paradigm, political power, intensification, social institution